

**МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ
СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ
(КОНФЛИКТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И НОВЫЕ СТРАТЕГИИ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ИНТЕГРАЦИИ)**

А. В. Глухова

Воронежский государственный университет,
Россия, 394068, Воронеж, Московский пр., 88

В статье рассматривается влияние миграции на страны Евросоюза, а также порождаемые ею новые возможности и новые политические риски, включая общий рост конфликтного потенциала. Особое внимание обращается на отличительные черты современных миграционных потоков, включая повышенный динамизм и сложность, а также мультипликацию причин, вызывающих массовые перемещения людей. Выделяется главная особенность нынешней миграции, выступающей результатом глобализации, а не просто вопросом местного или регионального масштаба. Ее природу изменили электронные средства общения, создав «сверхразнообразный мир», ведущий к многочисленным преобразованиям. В связи с мусульманской иммиграцией в Европу отмечается такое явление, как «бунт второго поколения», т. е. отказ от двухшагового процесса ассимиляции в новой среде принимающих обществ. Императивом существования в «сверхразнообразном мире» становится способность жить и контактировать с представителями различных религий и традиций в повседневной жизни. Эти процессы глубоко связаны с проблемой европейского самосознания в целом, но они влияют и на экономическое будущее Европы: иммиграция полезна для стран назначения, включая прямое влияние на рынок труда, соцобеспечение и т. д. Массовая иммиграция в Европу совместилась с острыми социально-экономическими проблемами континента, создав кумулятивный эффект конфликтогенных факторов, чреватых серьезными политическими последствиями. Резко возросшее социальное неравенство, экономический застой в ряде стран, высокая безработица все чаще выступают в качестве важнейших причин политического недовольства населения. Социальное положение, ранее отодвинутое на периферию политической повестки дня, сегодня вновь возвращается в ее центр. Внимание людей все больше переключается на стесненные обстоятельства жизни, что влечет за собой резко отрицательное отношение к истеблишменту, ответственному за текущее положение дел и слабо реагирующему на сигналы, поступающие от экономически ущемленных групп. Это создает питательную почву для роста правого популизма как консервативной реакции на возникающие противоречия и трения между прибывающими представителями инокультурных групп и принимающими европейскими обществами. По мнению автора, необходимы пересмотр традиционных стратегий интеграции иммигрантов и представителей этнических меньшинств в принимающее общество и выработка новых механизмов их адаптации.

Ключевые слова: миграция, кризис, Европа, глобализация, конфликтогенный фактор, популизм, национализм, терроризм, мультикультурализм, интеркультура.

В современном мире миграционные процессы относятся к числу важнейших и многогранных социально-экономических, политических, социокультурных явлений, выступающих объектом изучения многих наук. При этом приоритетные позиции экономистов и демографов, традиционно считавших миграцию предметом своих научных изысканий, ныне оспариваются представителями социологии и культурологии. Последние обращают внимание на специфику интеграции мигрантов в принимающие общества, особенности их адаптации, а также на процесс формирования национальной идентичности в современных поликультурных обществах.

Миграционные процессы все чаще становятся приоритетным предметом политического анализа, особенно в связи с иммиграционным кризисом 2015 г. в Европе (Нарочницкая, 2016; Потемкина, 2016; Монусова, 2016; Затулина, 2016; Алескеров и др., 2016; Квашнин, 2017 и др.). Чаще всего исследователи обращаются к проблемам безопасности, мерам по предотвращению террористических угроз, а также модификациям миграционной политики европейских государств в сторону ее ужесточения. Вместе с тем влияние иммиграции на политические процессы в современной Европе гораздо шире и разнообразнее проблем безопасности, вследствие чего этот аспект заслуживает большего внимания и содержательного рассмотрения. Справедливо и то, что ситуация с беженцами резонирует с другими большими вопросами и существенно меняет или может изменить общий расклад сил в Европе. Речь идет о разных проблемах иммиграции в целом, о европейской интеграции, о внешней политике европейских стран, о безопасности, о внутривнутриполитическом балансе сил и т. д. (Нарочницкая, 2016).

По самым последним оценкам, опубликованным ООН, число международных мигрантов в мире в 2017 г. составило 258 млн чел. — эта цифра более чем на 100 млн выше, чем в 1990 г. Численность международных мигрантов в мире растет быстрее, чем мировое население, которое к 2050 г. предположительно составит 9,7 млрд чел., а численность мигрантов к этому времени во всем мире достигнет 321 млн чел. (Алескеров и др., 2016, с. 138). Вместе с тем неверно было бы утверждать, что мир столкнулся с новым, никогда ранее не виданным явлением. Миграции стары, как и само человечество, а их история — дайджест всемирной истории. По словам немецкого исследователя Й. Ольтмера, с самого начала истории человечества миграция составляла центральный элемент общественных изменений (Oltmer, 2018).

Миграция существенно изменяет облик стран, регионов и даже целых континентов. Многие общества, еще вчера считавшиеся типично моноэтническими, сегодня отличаются существенным этническим многообразием. Не стала исключением и современная Европа, которая в течение последних десятилетий существенно преобразилась в этническом отношении. Вероятнее всего, эта тенденция продолжится и в будущем, что ведет к необходимости пересмотра традиционных стратегий интеграции иммигрантов и представителей этнических меньшинств в принимающие общества и выработки новых механизмов их адаптации. «Реалии современного социально-демографического развития потребовали от правительств многих стран корректировки миграционной

и демографической политики, — отмечает С. В. Рязанцев. — Не случайно проблемы миграции и интеграции иммигрантов обсуждаются на самых высоких уровнях, включая международный» (Рязанцев, 2001, с. 5). Эти слова были написаны в начале 2000-х гг., но с тех пор не потеряли актуальности. Очевидно, что международная миграция — это сфера, требующая новых научных теорий и политических стратегий для решения задач, стоящих как перед принимающими, так и перед отправляющими странами (Алескеров и др., 2016).

Глобализация как структурный контекст миграционной динамики. По мнению ведущих современных социологов — исследователей макропроцессов, глобализация создала в современном мире совершенно новую ситуацию, срочно требующую радикальных новаторских идей. Кардинальные перемены происходят в сфере не только промышленного производства, но и обслуживания, причем причиной их в значительной степени стали глобальные перемены, связанные с распространением Интернета. По мнению Э. Гидденса, благодаря распространению Интернета и ускорению глобализации люди живут сегодня в рамках иной общественной и технологической системы, отличной даже от тех, которые существовали еще совсем недавно: «Я называю эту систему обществом больших возможностей и серьезных рисков. Отчасти благодаря нашей новообретенной глобальной взаимозависимости, отчасти в силу роста общего уровня научных и технических инноваций перспективы и риск в нашей жизни сегодня сплетаются так, как никогда прежде. Нам вряд ли удастся предугадать, каким именно образом можно привести перспективы и риски в равновесие» (Гидденс, 2015, с. 22). В числе основных проблем, напрямую затрагивающих безопасность Европы (в широком смысле слова), можно назвать: управление границами, таможенный контроль, борьбу с преступностью, применение международных законов, взаимодействие в деле защиты окружающей среды, предотвращение болезней и контроль над их распространением и многие другие.

Центральное место в этом перечне занимает иммиграция. Несмотря на то что миграция в целом не представляет собой абсолютно новый феномен, сегодня она имеет целый ряд отличительных признаков, которых не было в прошлые эпохи, в том числе: повышенный динамизм и сложность, а также разнообразные причины массовых перемещений людей, не являющиеся чисто экономическими по своей природе. Зачастую многие другие факторы — этнические, социально-демографические, политические, психологические и иные — играют значительную роль в формировании миграционных потоков. Так, в бедных странах все сильнее ощущаются острые социальные проблемы, имеющие много причин, но сильно усложненные стремительным ростом населения. И именно в этих странах — и тоже в результате демографического перехода — разрастаются многолюдные маргинальные городские слои горожан в первом поколении, среди которых огромную долю составляют молодые люди и подростки, «заряженные» новой мобильностью. Они недостаточно образованны, не удовлетворены своим экономическим и социальным статусом и чрезвычайно восприимчивы к популистской пропаганде, основанной на упрощенных идеологических конструкциях, легко завоевывающих множество фанатичных сторонников. «В основе таких конструкций может в равной степени

лежать и упрощенный ислам, и упрощенный марксизм, и какая-нибудь новая религия, которая может возникнуть в накаленной обстановке современного мира», — считает известный российский демограф А. Г. Вишневский (Вишневский, 2018). Растущие потребности этих поколений молодых людей, а также острые социальные проблемы (безработица, коррумпированность несменяемых авторитарных режимов, военные конфликты и т. д.) толкают молодежь на рискованные и отчаянные поиски лучшей доли в других краях.

Другая особенность нынешней миграции заключается в том, что она является результатом и средством глобализации, а не вопросом местного или регионального масштаба. Ее природу изменили электронные средства общения, создав «сверхразнообразный мир». «Наличие электронной связи, доступной каждому и в любой точке земного шара, ведет к самым разнообразным преобразованиям, — считает Э. Гидденс. — Например, “двухшаговый” процесс ассимиляции, столь привычный в прежние времена, когда иммигранты во втором поколении гораздо больше походили на местное население, чем их родители, сегодня проявляется далеко не всегда» (Гидденс, 2015, с. 143). Если говорить о мусульманских иммигрантах в Европе, то это явление обозначается понятием «бунт второго поколения».

Кроме того, глобализация резко усиливает возможности мобильности населения и, как следствие, отрыв от собственных корней больших масс людей. Это влечет за собой как положительные, так и отрицательные последствия, в том числе для жителей принимающих обществ, также захваченных высокой скоростью социальных изменений. В частности, массовая иммиграция в Европу в значительной мере совпала с вымиранием старых рабочих районов вследствие исчезновения предприятий тяжелой промышленности или их перевода за рубеж. Для иммигрантов эти районы привлекательны дешевизной жилья, однако местное население испытывает страх потерять идентичность, возлагая вину за это на мигрантов. Иными словами, взаимодействие местных и глобальных явлений создает дополнительные проблемы для тех, кто меньше всего осознает такие взаимосвязи. Не случайно повсюду в принимающих обществах ощущается желание «вернуться назад», подогреваемое ностальгией по прошлому, чаще всего крайне идеализируемому. «Начинает раздаваться призыв к “закону и порядку”... Появляются воспоминания, идущие из самых недр истории, воспоминания об утраченной теплоте гнезда старых социальных взаимосвязей. Снова начинают вызывать интерес национальные корни и абсолютные догматы веры» (Дарендорф, 2002, с. 68). Религиозный фундаментализм представляет собой такой же феномен желания «вернуться к идеализированному прошлому», как и некоторые формы возрождающегося национализма. Указанную тенденцию неоднократно отмечали в своих работах и другие авторы (см., напр.: Хантингтон, 2003).

Другая особенность нынешней миграции состоит в том, что сеть зарубежных диаспор, представляющая собой как физические, так и виртуальные общины, характеризуется гораздо более глубокой степенью самосознания, чем раньше. Этническим диаспорам свойственны не только особенности, обусловленные страной или регионом проживания, но и общие черты, присущие им

всем. В частности, показательно поведение молодых людей — иммигрантов во втором и третьем поколении в странах Запада. После продолжительной жизни в светском обществе многие из них обратились к исламу и вступили на путь джихада¹. Поэтому неудивительны заявления о том, что «второй кризис» Европы (т. е. массовая иммиграция) ведет к большему ослаблению Евросоюза, чем даже экономическая рецессия. Рост исламского радикализма, с одной стороны, и европейского самосознания — с другой, становится причиной страхов и разговоров о «конце Европы» и «культурной смерти континента» (Гидденс, 2015, с. 146).

Однако алармические заявления не освобождают от необходимости исследовать природу происходящих процессов, а не предлагать исключительно арьергардные бои с глобализацией посредством ретронационализма, фундаментализма и популизма. Императивом существования в «сверхразнообразном мире» становится способность жить и контактировать с представителями различных религий и традиций в повседневной жизни. Эти процессы глубоко связаны с проблемой европейского самосознания в целом, но они влияют также на экономическое будущее Европы, поскольку иммиграция полезна для стран назначения, включая прямое влияние на рынок труда, соцобеспечение и т. д.

Таким образом, сегодняшняя иммиграция в Европу совпала с целой серией глубоких общественных преобразований. Она соприкасается с ними, порождая массу последствий для идентичности, как индивидуальной, так и коллективной. Вместе с тем кумулятивный эффект разнообразных факторов, влияющих на миграционные процессы в глобальную эпоху, создает благоприятную почву для возникновения политической напряженности и конфликтов, продвигая их проблематику в актуальную повестку дня.

Кризис беженцев и популистская мобилизация в Европе. По данным американского экономиста Р. Гордона, в истории современного капитализма средний экономический рост составляет менее 1% годовых (приводится по: Keane, 2017). Следовательно, при наличии таких факторов, как быстро стареющее население, растущее неравенство и нерешаемые социальные проблемы, новый виток инновационного роста маловероятен. Отсюда источником многих нынешних европейских проблем становится экономическая стагнация, длящаяся почти десять лет. Она сочетается с ростом задолженности домохозяйств, инвесторов и государственного сектора. Неравенство доходов и неравенство уровня благосостояния все еще увеличиваются, а инновации в области продуктов и процессов, благоприятствующих как труду, так и капиталу, остаются дефицитными. Безработица останавливает миллионы людей в обслуживании своих долгов, вследствие чего появилась новая тревожная статистическая категория: молодые европейцы, которые обозначаются аббревиатурой NEET — *not in education, employment or training* («не образованы, не заняты или не об-

¹ Например, Мохаммер Мера, рожденный во Франции, но в семье иммигрантов из Алжира, устроил в 2012 г. кровавую бойню, застрелив трех небооруженных французских солдат, а также раввина и трех малолетних учеников еврейской школы. У него нашлось немало соратников как внутри общины, так и в семье.

учены») (Keane, 2017). Отдельным дестабилизирующим фактором стало резкое обострение отношений с Россией, подрывающее политику Восточного партнерства ЕС и создающее реальную угрозу военных и политико-правовых международных конфликтов.

Резко возросшее социальное неравенство, продолжительный экономический застой и высокая безработица выступают в качестве важнейших факторов — предпосылок политического недовольства. Социальное положение, долгое время пребывавшее на периферии политической повестки дня, сегодня вновь возвращается в ее центр. Внимание людей все больше переключается на стесненные обстоятельства жизни, побуждая к резко отрицательной реакции в адрес истеблишмента, ответственного за создавшееся положение и слабо реагирующего на сигналы от экономически ущемленных групп².

Экономическое недовольство, вызываемое ростом неравенства в доходах, усугубилось опасениями (мнимыми или реальными) угрозы потерять национальную идентичность, культурную самобытность вследствие массового наплыва в Европу представителей инокультурных групп. Произошедшие в ряде европейских городов террористические акты упрочили алармистские представления о необходимости срочных и экстраординарных мер; ответственность за возникшую угрозу общественной безопасности массы возложили не только на национальные правительства, но и на руководство Евросоюза, олицетворяющего политику «открытых дверей» и свободы передвижения. Членство в Евросоюзе не случайно стало удобной мишенью для политиков, критикующих неолиберальную модель глобализации и требующих возврата к национальному суверенитету.

Наряду с внешними вызовами возникают и внутренние вызовы демократической политической системе, выражающиеся преимущественно в снижении влияния традиционных «народных партий» и возникновении новых политических образований левого (например, греческая «Сириза» или испанская «Подемос») или правого толка («Альтернатива для Германии»). В значительной степени эти феномены становятся следствием дискредитации старых партий и открывшихся возможностей для политических предпринимателей, подобных лидерам новых партий, перехватить актуальную повестку, первыми отреагировать на новые общественные противоречия и конфликты. Массовые опросы показывают, что партии истеблишмента действительно теряют популярность, элиты «оторвались от земли», а материальные интересы различных слоев населения в представительных политических институтах зачастую де-факто не представлены. Отсюда электоральное поведение становится волатильным, т. е. менее уравновешенным и предсказуемым (Глухова, 2017). При этом лишь

² Примером может служить поддержка, оказанная кандидату в президенты США Д. Трампу представителями рабочего класса в лице белых мужчин без высшего образования, чьи доходы снижались на протяжении последнего поколения. Будучи в прошлом надежным оплотом Демократической партии, избиратели этой группы почувствовали себя брошенными, поскольку демократы полностью утратили с ними связь. Даже Обамасаре эти люди сочли более полезной для других, чем для себя.

немногие новые партии имеют программы, охватывающие весь спектр политических вопросов. Чаще они концентрируют усилия на нескольких ключевых аспектах, вызывающих наибольшее недовольство³.

Сложившиеся обстоятельства исключительно благоприятны для роста популистских партий и движений. Их представители претендуют на то, что именно они олицетворяют единый гомогенный народ, и это создает реальную угрозу для демократии. По мнению профессора политической теории Я.-В. Мюллера, «популисты всегда антиплюралистичны, тогда как демократия может существовать только в плюралистической форме» (Müller, 2016). Решающей является не антиэлитарная, но антиплюралистическая позиция популистов, претендующих на выражение народной воли, которую они сами же и формируют.

Популистскому стилю в общепринятой политике также способствует харизматичная медийная демократия (Байме, 2014, с. 106). Не разрушая открыто сложившиеся политические структуры, популисты пытаются дать им иное, «подлинное» толкование, что используется в качестве ресурса политической мобилизации и легитимации политических и управленческих практик, призванных узаконить (в том числе формально-правовым способом, через корректировку конституционных норм) новые основания политической реальности. Чаще всего легитимирующим ресурсом выступает ретронационализм или умеренная версия религии, противоречащие светскому характеру государства, как правило, закрепленному в конституции. Однако в официальной риторике энергично звучат привлекательные для массового восприятия мотивы защиты демократии и сплочения против внешних и внутренних врагов (Глухова, 2017). На уровне внешней политики возникает новый идеал «идти в одиночку», поставить себя «первым» (как Трамп) и вернуть «контроль над нашей страной» (как в Брексите).

Популистская мобилизация опирается на вертикальную модель недоверия политическим элитам и посредническим институтам («лживым» СМИ, научным кругам, экспертам, ассоциациям гражданского общества, а также судам) и на горизонтальное распространение страха перед внешними силами. Мигранты/беженцы идеально подходят на роль объектов страха по нескольким основаниям. Первое из них чисто экономическое: они якобы угрожают коренному населению на рынке труда и жилья и живут за счет его налогов. Вторая причина скорее социокультурная, акцентирующая якобы несовместимость языка, религии, этнической идентичности иммигрантов и населения принимающего общества, а также стирание самобытных национальных черт в человеке и создание нивелированного «европейца». Третья причина связана с безопасностью: криминальные эксцессы со стороны беженцев-иммигрантов (изнасилования, преступность, терроризм) трактуются как неспособность государства осуществлять эффективную защиту населения.

³ Предвыборная программа Г. Вилдерса (Партия свободы) строилась преимущественно на требованиях деисламизации Нидерландов, восстановлении независимости (выход из ЕС) и прямой демократии (обязывающие референдумы).

Ключевой особенностью популизма является также его негативная политика недоверия к истеблишменту и протеста против его политики без согласованной собственной программной позиции управления. Избиратели поддерживают обличительный характер выступлений популистов, не принимая в расчет содержательную слабость их программных заявлений. Вместе с тем рассматривать успехи популистских партий на выборах разного уровня в европейских странах в 2016–2018 гг. лишь как протестное голосование в отношении партий эстаблированных (прошедших проверку временем) было бы сильным упрощением. Опасность состоит в том, что избиратели зачастую отдавали свои голоса авторитарным и ксенофобским силам (например, немецкой партии «Альтернатива для Германии»), не скрывающим намерений преследовать своих политических врагов. Это тревожный сигнал, указывающий на ослабление нормативных запретов, до сих пор действовавших в политике ряда европейских стран, и опасное изменение их политического климата, включая дискурс и общую атмосферу политической напряженности (Offe, 2017).

Другое изменение касается привычных для Европы коалиционных объединений, тяготевших в последние годы к проведению центристского политического курса. Однако электоральные процессы последних двух лет показали, что центризм больших коалиционных правительств порождает антиэлитную центробежность и дальнейшую фрагментацию партийной системы. Проблемой стратегических коалиций становится то, что центристские партии не могут бороться со своими партнерами по коалиции, поскольку несут солидарную ответственность за общие управленческие неудачи⁴.

Наконец, еще одной отличительной особенностью европейской политики становится так называемый спящий характер ряда избирательных кампаний. Речь идет о замалчивании главными партиями самых важных политических тем. В Германии на парламентских выборах 2017 г. консенсуальным молчанием были покрыты такие вопросы, как долговой кризис ЕС, миграция и интеграция, будущее ЕС, нищета/неравенство, климат, международные и атлантические отношения и т. д. Вместо обсуждения этих важнейших проблем стороны сосредоточились на вполне второстепенных вопросах, подобных использованию дизельного топлива, загрязняющего окружающую среду, и т. д. (Offe, 2017). Не получили достаточного освещения в предвыборных дебатах и проблемы социального неравенства и бедности. Лидер социал-демократов М. Шульц в своей предвыборной программе провозгласил «время для социальной справедливости», но фактически не представил планов политики, заслуживающей доверия и повышающей социальную справедливость в немецком обществе.

Очевидно, что растущее неравенство было воспринято европейскими обществами слишком болезненно, а государственные институты оценены как не справляющиеся со своими обязанностями. Чувство неуверенности и страха, охватывающее людей, ведет к тому, что даже самые демократические государ-

⁴ В частности, по этой причине на парламентских выборах в Германии в 2017 г. кандидат от Социал-демократической партии Германии М. Шульц был «импортирован» из-за пределов немецкой политики, т. е. из руководства Европарламента.

ства подпадают под влияние популистов и демагогов. Политической реальностью в Европе становятся национализм, антисемитизм и откровенно фашистские лозунги.

По мнению Л. Млечина, популистские движения и партии пытаются разжевать общественные противоречия, объединив проблемы стагнации, беженцев и угроз терроризма в одну катастрофическую историю (Млечин, 2018). Сама сложность современной множественной динамики рассматривается ими исключительно в конспирологической логике, как тайный заговор враждебных сил. Вместе с тем многообразие динамик заключается в запутанности Европы в продолжающихся войнах в Ливии, Ираке, Сирии и соседних регионах. По словам К. Оффе, Европа вовлечена в конфронтацию между двумя региональными державами — Ираном и Саудовской Аравией — и в военное соперничество России, Турции и США, где каждая страна имеет собственную, противоречивую повестку дня (приводится по: Кеане, 2017).

Отдельной темой предстает распространение джихадистских самоубийств и убийств гражданских лиц. Вопреки заявлениям популистов, обвиняющих все мусульманское сообщество в целом в неблагонадежности и даже в преступных замыслах, большинство актов насилия являются «доморощенными». Иными словами, это насилие мало или совсем не связано с беженцами. Неудобная правда заключается в том, что большинство установленных террористов — граждане и выходцы из стран ЕС, часто с семейными корнями в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Так, террористы, устроившие взрывы в Лондоне, внешне казались хорошо интегрированными в британское общество. Р. Дарендорф напоминает о так называемом обувном бомбисте Ричарде Райде, родившемся и выросшим в Англии, но подпавшем под влияние радикальных исламистов. Спрятав взрывчатку в башмаки, он едва не подорвал пассажирский самолет *American Airlines*, но был схвачен пассажирами и передан бостонской полиции. По мнению ученого, подобные факты — отражение общей социальной проблемы современных обществ, именуемой социальным исключением представителей так называемого низшего класса: «Они живут в обществе, но не принадлежат к нему» (Dahrendorf, 2003, S. 89). Кроме того, некоторые акты насилия, включая атаку на рождественский рынок в Берлине в декабре 2016 г., можно считать продуктами административной и полицейской несостоятельности.

Разумеется, угроза терроризма реальна, однако в отношении мусульман данные факты используются для абсурдных обобщений. Значительное большинство мусульманской общины составляют люди умеренных взглядов, но в газетных статьях радикалы упоминаются в 17 раз чаще (как террористы, боевики и исламисты). Между тем среди 52 жертв теракта в Лондоне оказались представители многих этнических групп, в том числе мусульмане, а член праворадикальной партии Андерс Брейвик, убивший 77 чел. (вместе с ранеными жертв было 250), не является мусульманином. Если держать под подозрением всю мусульманскую общину любой страны и рассматривать ее в качестве источника потенциального терроризма, то это усилит конфронтационные настроения, которые государство пытается устранить. Как подчеркивает А. Сен,

«смешение многочисленных групп мусульман вследствие их принадлежности к определенной вере — ошибка не только описательного характера; она может иметь самые серьезные последствия для стабильности в том хрупком мире, в котором мы живем» (Sen, 2007, S. 62).

Э. Гидденс и К. Оффе солидарны в этом принципиальном вопросе. «Мысль о том, что мусульманские меньшинства Европы представляют собой угрозу основным ценностям европейских стран, смехотворна — несмотря на реальность угрозы, исходящей от террористов, как “доморожденных”, так и пришлых. Мусульмане Европы крайне разнородны в том, что касается их этнической принадлежности и верований. Можно даже сделать вывод, что большинство европейских мусульман не религиозны, если под религиозностью понимать регулярное участие в культовых обрядах и молитвах. Среди тех из них, кто придерживается консервативных взглядов, большинство нацелены на интеграцию, но без ассимиляции. Они желают играть активную роль в более широком обществе, но без необходимости отказа от своих религиозных взглядов и обычаев» (Гидденс, 2015, с. 153). Стоит напомнить, что определенное число ультраортодоксальных верующих имеется также в христианской и иудейской религиях, но о последних не судят по идеям, проповедуемым христианскими или иудейскими группировками экстремистского толка.

Проблема для Европы заключается в том, каким способом остановить поток беженцев и каким образом интегрировать их в принимающие общества. Люди по определению представляют собой мигрирующий вид, а «строительство заборов на соленой воде» по техническим причинам невозможно. Под давлением массовой миграции оказалась в ступоре политика Евросоюза, его управленческие возможности. Об этом свидетельствует, в частности, судьба Дублинского соглашения, на которое возложена ответственность за разрешение пребывания беженцев в государствах Европы: соглашение это было отвергнуто руководствами Венгрии, Словении, Македонии и ряда других государств, в буквальном смысле слова закрывших свои границы. Другой документ — Европейское соглашение министров внутренних дел (сентябрь 2015 г.) о предоставлении разрешения на пребывание в ЕС по меньшей мере 120 тыс. граждан без гражданства — оказался мертворожденным (Потемкина, 2016). Наконец, Шенгенское соглашение, т. е. договоренность об открытых границах, позволяющая беспаспортное передвижение граждан по большей части государств ЕС и считающаяся наиболее эффективным и популярным достижением европейской интеграции, фактически рушится.

Вызовы, с которыми столкнулись европейцы, вызывают тревогу и озабоченность и у российских ученых, считающих Европу нашей общей колыбелью. По мнению В. Иноземцева, самой страшной бедой для Европы было бы сползание к национализму. Помешать этому могут срочно внесенные коррективы в миграционную политику ЕС. «Никто не должен рассчитывать на получение в Европе убежища и социального пособия только на основании того, что где-то в мире идет война. Я не отрицаю ценностей гуманизма, но Европа может помочь жертвам гражданских конфликтов и иным путем» (Иноземцев, 2016). В частности, ряд региональных держав заинтересован в стабильности вблизи своих границ,

и с ними европейским политикам следует начать диалог об организации размещения беженцев (например, в Иордании, Турции или Иране). По мнению В. Иноземцева, эти лагеря могли бы быть развернуты на средства ЕС и охраняться европейскими военнослужащими. Такая акция встретила бы поддержку во всем мире и сохранила бы социальную стабильность европейских стран. «Европа не должна отказываться принимать мусульман — но ей стоит открывать двери только перед теми, кто готов разделять европейские ценности и может быть полезен своей новой родине» (Иноземцев, 2016). Иными словами, прием новых жителей должен производиться на сугубо индивидуальной основе.

Руководство Евросоюза пришло к такому решению еще в июне 2015 г. на саммите ЕС, где говорилось о необходимости всеобъемлющего и систематического подхода к урегулированию миграционного кризиса. В марте 2016 г. была подписана сделка ЕС с Турцией, недостаточная эффективность которой обнаружилась довольно скоро. В 2017 г. беженцы продолжали в большом количестве прибывать в Грецию и Италию, где они сталкивались с суровыми условиями жизни. Все больше беженцев из зон боевых конфликтов покидают свои дома в результате войн, нехватки продовольствия и изменения климата, хотя большинство из них хотели бы оставаться вблизи границ своей страны в надежде на урегулирование развивающихся там конфликтов. Эти предпочтения отвечают стратегическим усилиям Евросоюза по ограничению притока беженцев, побуждению их оставаться в своем регионе (в Турции, Иордании, Ливане), а не продолжать движение в Европу. Однако существуют серьезные препятствия для того, чтобы ограничить миграционный приток в страны ЕС: потенциал для герметизации морских границ ограничен, а международные юридические соглашения обязывают предоставлять убежище «подлинным» беженцам⁵. В любом случае оборонительная стратегия Евросоюза предполагает выделение значительных финансовых средств в виде трансфертов и достижение сложных политических компромиссов.

Несмотря на реальную сложность миграционной проблемы, аргументация популистов, их мышление и тактика не выдерживают серьезной критики. Представление беженцев как иностранцев, не принадлежащих к Европе (которая предположительно «полна»), не соответствует действительности. «Если бы все беженцы, которые уже прибыли, были справедливо узаконены в государствах-членах, то доля беженцев в каждой стране составляла бы менее 1% от их общей численности населения, — считает К. Оффе. — Это вряд ли можно назвать «невыносимым экономическим бременем»» (приводится по: Keane, 2017).

Кроме того, популисты обычно молчат о стоимости строительства стен, защиты границ и о потенциально потерянной торговле. По данным отчета Европейской комиссии, потеря деловой активности, более высокие расходы на грузовые и пригородные перевозки, перебои в цепочках поставок и государственные расходы на более жесткую пограничную охрану, вероятно, будут стоить всей европейской экономике не менее 18 млрд евро в год (приводится по: Keane, 2017). Кроме того, не принимаются в расчет долгосрочные экономиче-

⁵ Женевская конвенция о правах беженцев не знает терминов «квота» или «лимит допуска».

ские выгоды от миграции. Если рассматривать беженцев с точки зрения рынков труда, вновь прибывшие оказываются на балансе долгосрочных активов, хотя проблема их интеграции в принимающее сообщество требует гораздо больше времени и усилий.

Новый поворот и многозадачность Европы. 2017 г. стал для Европы переломным. По мнению немецкой исследовательницы У. Либерт, в регионе наметился новый подъем и встал вопрос об извлечении уроков из прошлого и обозначении актуальных направлений действий. «В 2017 г. у европейцев открылись глаза: Европа пробудилась ото сна! В первой половине года успех Александра ван дер Беллена в Австрии продолжили Гронлинкс (*GroenLinks*, Зеленые левые) в Нидерландах и Эммануэль Макрон во Франции... На немецких парламентских выборах было решено: в национальных избирательных кампаниях общеевропейские темы нельзя отдавать на откуп популистам-антиевропейцам. Тогда проевропейские кандидаты смогут добиться эмпатии со стороны избирателей и одержать победу» (Liebert, 2017). Автор напоминает, что до недавнего времени европейский дискурс был отмечен темами кризиса и стагнации, катастрофизма и сомнений, враждебности и безысходности. Даже проевропейские интеллектуалы разделяли господствующие настроения бессилия и страха, видели «Европу в западне» (Клаус Оффе), говорили о том, что «Европа на краю пропасти» (Хауке Брункорст), спрашивали: «Терпит ли Европа крах?» (Йошка Фишер), констатировали: «Европа погибла!» (Янис Варофакис) (Liebert, 2017) и провозглашали «конец европейской мечты» (Auer, 2013). «Сегодня эти настроения позади. После Брексита и выбора Д. Трампа президентом США Европа начала подниматься: повсеместно — в концертных залах и общественных местах — звучит европейский гимн. Люди стремятся на культурные мероприятия и разделяют симпатию по отношению к гражданам ЕС по ту сторону национальных границ» (Liebert, 2017). Эксперты ЕС разрабатывают сценарии «Европы двадцати семи» до 2025 г. и реанимируют общеевропейские дебаты. Политические теоретики выдвигают нарративы для нового открытия Европы. Книжный рынок наполняют сочинения, порождающие европейский дух времени (*Zeitgeist*) и начинающиеся призывами: «Несмотря ни на что, Европа должна жить!», вплоть до призывов сделать мужественный шаг вперед и создать Европейский политический союз граждан (Müller, 2018). После многих лет оцепенения, вызванного кризисом, Европа начинает собирать силы и идеи для прорыва.

Насколько востребован этот новый подъем Европы? Укажут ли проевропейские силы выход из стагнации? Смогут ли они освободить европейцев от кризисов и войн, бессилия и страха? Или речь снова идет о «легитимационном нарративе»? По мнению У. Либерт, многое говорит о том, что в настоящее время демократические силы Европы должны использовать единственный шанс, чтобы укрепить совокупную дееспособность ЕС. Такое совместное действие необходимо, а сегодня еще и возможно, в пользу чего говорят в первую очередь три фактора: 1) диагностика усилившегося кризиса и причин, вызвавших недовольство населения правящими партиями; 2) неизбежность совместного решения крупных европейских проблем, с которыми отдельные государства члены в одиночку не справятся; 3) уроки, извлеченные из поражений прошед-

ших лет, показывающие, как можно противодействовать ожидаемому сопротивлению усилению ЕС.

Резюмируя, согласимся с К.Оффе в том, что неолиберальная глобализация на мгновение одержала победу над надежным государством всеобщего благосостояния. Можно игнорировать экономические выгоды от миграции и думать, что ужесточенные национальные границы являются оплотом безопасности. К.Оффе продолжает: «Но я убежден, что ничто из этого не может заменить надежду на объединенную Европу, которая обеспечит безопасность и процветание ее граждан таким образом, что национальные государства уже не смогут быть разъединенными» (приводится по: Keane, 2017). По его мнению, для этого существует только одна жизнеспособная общая альтернатива. Если в ходе преодоления финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. в первую очередь были спасены банки, то теперь пришло время спасти рабочих, безработных, молодых людей, пенсионеров и других граждан, в наибольшей степени пострадавших от кризиса и стагнации. Возможны различные институциональные решения, включая создание в Брюсселе нового министерства по социальным вопросам и социальному обеспечению, которое выплачивало бы каждому государству-члену 50% расходов на страхование по безработице и переквалификации, которые они в настоящее время несут. Возможна разработка инвестиционной программы в несколько миллиардов евро в таких областях, как связь, транспорт и энергетика, при поддержке европейских институтов. Подобные инициативы повысили бы общественную поддержку европейской интеграции, побуждали бы граждан чувствовать, что Европа не должна быть потеряна, что можно двигаться вперед к системе транснационального социального обеспечения и представительной демократии как уникальному образцу социального мироустройства в XXI в.

Однако остается проблема культурного взаимодействия, неизбежного и постоянного в современном мире диалога культур. Трудно не согласиться с С. Бенхабиб в том, что «ведение комплексных культурных диалогов в условиях глобальной цивилизации — это теперь наша судьба» (Бенхабиб, 2003, с. 222). Вместе с тем дискуссия по вопросам мультикультурализма и иммиграции в Европу утратила новизну, вращаясь вокруг одних и тех же тем. Признание немецкого канцлера А. Меркель в том, что идея мультикультурализма «провалилась полностью», подхватили многие другие европейские политики, в том числе крайне правых взглядов. Однако не все ученые согласны с оценкой А. Меркель. «Вместо заявлений о провале мультикультурализма в Германии и в Европе в целом правильнее было бы сказать, что попыток его построения практически и не было, — утверждает Э. Гидденс. — Точнее говоря, попытки его построения касались лишь ограниченных сфер жизни и лишь в ряде стран. Идея мультикультурализма в том виде, в котором она представляется выдвинувшими ее учеными, является почти полной противоположностью того мультикультурализма, который присутствует в большей части общественных обсуждений. Наоборот, она подразумевает сближение данных групп посредством активного ежедневного взаимодействия» (Гидденс, 2015, с. 149). Действительно, целью мультикультурализма, сформулированной в докладе ЮНЕСКО от 1989 г., провозглашалось «формирование плюрализма вокруг социальной сплоченности и приверженности стержневым

ценностям», чего не предполагала политика мультикультурализма в ряде европейских стран (Большаков, Явдошук, 2013, с. 202). Э. Гидденс выступает с инициативой начать новую дискуссию в контексте меняющегося мира, отказаться от понятия «мультикультурализм», трактуемого как попустительство в создании замкнутых этнических анклавов, сохраняющих свою самобытность и не желающих интегрироваться в принимающее общество. Это объясняется, помимо прочего, следующим: разработчики идеи мультикультурализма полагали, что культуры, включая этнические, имеют четко очерченные границы, со временем не меняются, не испытывают внутренней разобщенности. Если это когда-нибудь и соответствовало истине, то только не сегодня, не в эпоху многообразия и социального единства. Э. Гидденс предлагает более точное понятие «интеркультура» — постоянный процесс переговоров и диалога, способный положительным образом преобразовать общественное пространство. Необходим системный мониторинг обновления смыслового и ценностного каркаса тех культур, которые вступают в интерактивный диалог, разработка современной версии теории понимания. «Нужен регулярный анализ новых феноменов культуры повседневности, системное изучение экономической, политической, правовой и художественной культуры, в том числе с точки зрения средств их выражения в языке» (Силантьева, Глаголев, 2017, с. 71). Универсальные стандарты и транскультурные институты (такие как суд по правам человека), представляя собой соответствующие предпосылки, сами являются (или должны являться) предметом постоянного диалога, посредством которого осуществляется повседневная оценка и коррекция данных институтов (Гидденс, 2015, с. 156). В плоскости государственной политики подход, делающий ставку на интеркультуру, по целому ряду параметров отличается от мультикультурализма: он не просто пытается интегрировать меньшинства, но предназначен для формирования видения общества в целом, а также составляющих его общин. Это видение непосредственным образом направлено на взаимодействие с культурами других стран.

К. Оффе, в свою очередь, указывает на две возможные стратегии после поселения мигрантов в конкретной стране назначения. Одна из них — обеспечить полную интеграцию мигрантов через надлежащую административную регистрацию, обеспечение жильем, образованием, профессиональной подготовкой, доступом на рынок труда, а также предоставлением социальных и медицинских услуг. Центральную роль в этом подходе призвано сыграть привлечение внимания и участия гражданского общества, что должно включать одновременную интеграцию местного населения в политическое сообщество, которое строится на связях, отличных от этнической идентичности, помогая им адаптироваться к многоэтническим, социально-экономическим условиям и потребностям в общении. «Выбор этой стратегии может быть облегчен ссылками на аргумент о том, что интеграция беженцев может помочь закрыть демографические и трудовые пробелы в стареющих европейских обществах и проигнорировать аргумент о том, что каждый “прирост мозгов” в Европу вызывает “утечку мозгов” из стран происхождения» (Offe, 2016).

Альтернативная перспектива рассматривает интеграцию мигрантов как вызов. В этом случае беженцы должны в значительной степени удовлетворять

свои потребности собственными усилиями и демонстрировать «интеграционную готовность». Обеспечение жильем, образованием и возможностями трудоустройства в этом случае не считается приоритетом для государственных политиков. Стремление к последней стратегии будет способствовать привлечению популистских политических сил, выступающих за эксклюзивный подход к кризису беженцев на этнонационалистических и антиисламских идеологических основаниях. Тем не менее эта стратегия также включает в себя риск долгосрочной интеграции и политические издержки массовой политической поляризации в странах урегулирования, а также рост полуинтегрированного, постмиграционного подкласса.

Какая из этих двух интеграционных моделей будет принята, зависит в конечном счете от их оценки политическими лидерами и от готовности последних принять взвешенные решения в рамках политики интеграции. Определенные теоретические наработки и эмпирические данные для принятия подобных решений уже накапливаются (Большаков, Явдошук, 2013). В частности, в Германии, согласно Закону об интеграции в немецкое общество, принятому в июле 2016 г., человек, получающий образование, остается в стране на все время учебы. Дальше его вид на жительство зависит от успешной интеграции. Для того чтобы мигрантам было проще стать налогоплательщиками, за их трудоустройство правительство выплачивает компенсации работодателям.

Осенью 2018 г. немецкая страховая компания *R+V* провела исследование, задав вопрос: чего опасаются граждане ФРГ сегодня? Выяснилось, что больше всего немцев (69 %) боятся «мира, опасного из-за политики Трампа». На втором месте (63 %) оказался страх не перед беженцами как таковыми, а перед «чрезмерными требованиями со стороны властей» из-за приезжих. На третьем — страх «напряженности, вызванной притоком иностранцев». Следом идут «чрезмерные требования со стороны политиков», а затем — «страх перед терроризмом», за год снизившийся на 12 % (Тумакова, 2018).

Одновременно жители Германии все больше привыкают к жизни в мультикультурной среде, хотя степень толерантности к мигрантам сильно различается по регионам. Согласно данным крупного исследования на эту тему, опубликованном осенью 2018 г. («Барометр интеграции — 2018»), 60 % немцев считают, что Германия должна и дальше принимать беженцев с Ближнего Востока, даже если от этого откажутся другие страны Евросоюза. 66 % жителей Западной Германии довольны нынешней миграционной политикой. В Восточной Германии довольных меньше — 55 %. Парадоксально, но чаще всего недовольство высказывают жители именно тех земель, где беженцев меньше. Авторы исследования указывают, что личный опыт взаимодействия с беженцами чаще всего помогает преодолеть предубеждения и что ежедневная ситуация намного лучше, чем это выглядит в СМИ (Епифанова, 2018).

* * *

Таким образом, Европа в середине второго десятилетия XXI в. столкнулась с одним из самых серьезных глобальных вызовов, к которому не была готова. Европейский миграционный кризис является множественным, комплекс-

ным кризисом, связанным с политическими процессами в различных регионах мира, с целым рядом затяжных конфликтов и множественными маршрутами регулярного притока десятков и сотен тысяч людей. Поэтому можно отчасти согласиться с тем, что это одновременно и институциональный кризис, демонстрирующий неспособность (или слабую способность) руководства ЕС и государств-членов управлять чрезвычайной ситуацией, которой не без успеха пытаются воспользоваться правопопулистские политические силы. Вместе с тем приходится признать, что в таком формате проблема беженцев действительно никогда еще не вставала, вследствие чего ответом на возникший вызов может быть только тщательно продуманная и ответственная политика, субъектами которой станет не только государство, но и институты и структуры гражданского общества, и иммигрантские общины. Крайне необходимо налаживание интерактивного диалогового общения, предполагающего синтез ценностей, ведущий к оптимизации договорного процесса. Изучение тенденций миграционного законодательства не может обойтись без выяснения смысловых доминант как принимающего общества, так и миграционных сообществ. Именно соизмеримость этих смыслов (либо отсутствие таковой) создает поле для маневра, легитимизируя одни формы поведения и маргинализируя (или даже криминализируя) другие.

Нынешние трудности европейского континента очевидны, однако это не дает оснований для его очередного «отпевания», для констатации нового «заката Европы». Внешние вызовы, подобные неолиберальной глобализации финансовых рынков, супранационализации политических решений, растущему социально-экономическому неравенству, или внутренние вызовы типа упадка народных партий и снижения роли парламентов станут кризисными явлениями лишь в том случае, если политическая система не сможет развить функциональные и нормативные эквиваленты, способные компенсировать эти возникшие дисфункциональности и нормативный дефицит (Merkel, 2016).

Миграционные проблемы современной Европы не должны становиться помехой при осмыслении того, каким образом страны Западной Европы из незначительной и отсталой части огромного евразийского континента смогли преобразиться и занять доминирующие позиции в мире. По мнению Дж. Голдстоуна, «из этой истории мы еще можем вынести ценные уроки — о необходимости ограничения государственной власти, о важности стимулирования конкуренции в центрах коммерческого и научного развития, а также о выгодах, возникающих в результате побуждения предпринимателей, инженеров и специалистов к совместной работе ради общего блага» (Голдстоун, 2014, с. 16). И конечно, в контексте настоящей статьи необходимо помнить о важности свободы мысли, толерантности в отношении религиозного плюрализма, открытости политических дебатов и интеркультурного взаимодействия различных сегментов усложняющихся полиструктурных европейских обществ.

Литература

- Алескеров Ф. Т., Мещерякова Н. Г., Резяпова А. Н., Швыдун С. В. Анализ влияния стран в сети международной миграции // Политическая наука. 2016. № 4. С. 137–158.
- Байме К. Популизм и правый экстремизм в партийных системах эпохи постмодерна // Бе-региия. 777. Сова. 2014. № 4 (23). С. 101–109.
- Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / пер. с англ.; под ред. В. И. Иноземцева. М.: Логос, 2003. 350 с.
- Большаков Г. А., Явдошук И. Б. Проблема мигрантов в Европе: реальная угроза безопасности или поле для политических спекуляций? // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2013. Т. 9, № 1. С. 198–214.
- Вишневский А. Г. Чем опасен глобальный миграционный переход // Независимая газета. 2018. 23 янв.
- Глухова А. В. Популизм как политический феномен: вызов современной демократии // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 49–68.
- Гидденс Э. Неспokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? / пер. с англ. А. Матвеевко, М. Бендкет. М.: Издательский дом «Дело» РАНГИГС, 2015. 240 с.
- Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500–1850 / пер. с англ. М. Рудакова; под ред. И. Чубарова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. 224 с.
- Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2002. 288 с.
- Епифанова М. Безопасность превыше всего. Глава МВД Германии заговорил об ужесточении миграционной политики // Новая газета. 2018. 21 нояб.
- Затулина Д. Предпосылки современных миграционных процессов в Европе // Обозревател. 2016. № 12 (323). С. 82–90.
- Иноземцев В. Про правых, миграцию и ЕС // Intersection: Russia / Europe / World. 2016. 13 янв. URL: <http://intersectionproject.eu/ru/article/russia-europe/pro-pravyh-migraciyu-i-es-st-hash>. bHKJQLhY.dpuf (дата обращения: 30.01.2019).
- Квашнин Ю., Кузнецов А., Трофимова О., Четверикова А. Миграционный кризис в ЕС: национальные ответы на общий вызов // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 1. Январь. С. 97–107.
- Млечин Л. Волки за дверью // Новая газета. 2018. 31 янв. № 10.
- Монусова Г. Восприятие иммигрантов европейским общественным мнением // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 11. Ноябрь. С. 58–70.
- Нарочницкая Е. А. «Кризис беженцев» и иммиграционный вопрос в Европе // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 4. С. 20–37.
- Потемкина О. Ю. Миграционный кризис и политика Европейского союза // Актуальные проблемы Европы. 2016. № 4. С. 38–60.
- Рязанцев С. В. Влияние миграции на социально-экономическое развитие Европы: современные тенденции: монография. Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2001. 542 с.
- Силантьева М., Глаголев В. Философия межкультурной коммуникации // Международные процессы. 2017. Т. 15, № 2 (49). Апрель — июнь. С. 64–76.
- Тумакова И. Три линии. Вопреки мрачным прогнозам, Германия не рухнула под напором беженцев. Как немцы решают проблемы массовой миграции? // Новая газета. 2018. 26 окт. № 119.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. М.: АСТ, 2003. 603 с.
- Auer S. The end of the European Dream. What future for Europe's constrained democracy? 22.02.2013. URL: <http://www.eurozine.com/the-end-of-the-european-dream> (дата обращения: 08.09.2017).
- Dahrendorf R. Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Eine Politik der Freiheit fuer das 21. Jahrhundert. München: C. H. Beck Verlag, 2003. 157 S.

Keane J. "Europe is suffering multi-morbidity": a conversation with Claus Offe in Berlin // The Conversation. 2017. January 31. URL: <https://theconversation.com/europe-is-suffering-multi-morbidity-a-conversation-with-claus-offe-in-berlin-71127> (дата обращения: 30.01.2019).

Liebert U. Neuer Schwung für Europa? Lehren aus der Vergangenheit und aktuelle Handlungsfelder // Bundeszentrale für politische Bildung. 08.09.2017. URL: <http://www.bpb.de/apuz/255615/neuer-schwung-fuer-europa?p=all> (дата обращения: 08.09.2017).

Merkel W. Krise der Demokratie? Anmerkungen zu einem schwierigen Begriff // Bundeszentrale für politische Bildung. 20.09.2016. URL: <http://www.bpb.de/apuz/234695/krise-der-demokratie-anmerkungen-zu-einem-schwierigen-begriff> (дата обращения: 30.05.2017).

Müller J.-W. Populismus. Symptom einer Krise der politischen Representation? // Bundeszentrale für politische Bildung. 30.09.2016. URL: <http://www.bpb.de/apuz/234701/populismus-symptom-einer-krise-der-politischen-repraesentation?p=all> (дата обращения: 08.05.2017).

Müller J.-W. Wo Europa endet — Ungarn, Brüssel und das Schicksal der Demokratie [2018]. URL: <http://www.openeuropeberlin.de/wo-europa-endet-ungarn-bruessel-und-das-schicksal-der-demokratie-zusammenfassung-und-kommentar-zum-neuen-buch-von-jan-werner-muller-von-oliver-treidler> (дата обращения: 30.01.2019).

Offe K. Germany: What Happens Next? 03.10.2017. URL: <https://www.socialeurope.eu/germany-happens-next> (дата обращения: 27.10.2017).

Offe K. For A Robust Policy Of Integration Of Refugees. 08.03.2016. URL: <https://www.social-europe.eu/robust-policy-integration-refugees> (дата обращения: 30.01.2019).

Oltmer J. Globale Migration: Geschichte, Gegenwart, Zukunft. 14.05.2018. URL: <http://www.bpb.de/gesellschaft/migration/dossier-migration/252254/globale-migration> (дата обращения: 30.01.2019).

Sen A. Identitätsfalle. Warum es keinen Krieg der Kulturen gibt. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 2007. 208 S.

Глухова Александра Викторовна — д-р полит. наук, проф.; avglukhova@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 1 декабря 2018 г.;

рекомендована в печать: 14 декабря 2018 г.

Для цитирования: Глухова А. В. Миграционный фактор в политических процессах современной Европы (конфликтный потенциал и новые стратегии общественной интеграции) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14, № 4. С. 444–464. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.401>

MIGRATION IN THE POLITICAL PROCESSES OF CONTEMPORARY EUROPE (CONFLICT POTENTIAL AND NEW STRATEGIES OF SOCIAL INTEGRATION)

Aleksandra V. Glukhova

Voronezh State University,
88, Moskovsky pr., Voronezh, 394088, Russia; avglukhova@mail.ru

The author deals with the problem of the migration impact on the EU countries. New opportunities and new political risks, including the overall growth of conflict potential are the main important issues. Particular attention is paid to the distinctive features of modern migration flows, including increased dynamism and complexity, as well as the multiplication of causes that cause massive movements of people. The main feature of the current migration is a globalization effect. Its nature was changed by electronic means of communication, creating a "super-diverse world" leading to numerous and most diverse transformations. The case of Muslim immigrants to Europe and the phenomenon of "second-generation revolt" were also observed, for example, the practice of the "two-step" process of assimilation in the new environment of host societies. The imperative of existence in a super-diverse world is the ability to live with representatives of various religions and traditions. These processes are connected

with the problem of European identity, but they also affect the economic future of Europe: immigration is useful for countries of destination, including a direct impact on the labor market. The paper draws attention to the fact that mass immigration to Europe coincided in time with the acute social and economic problems of the continent, creating a cumulative effect of conflict factors. The attention of people is increasingly shifting to the cramped circumstances of life, prompting a sharply negative reaction to the establishment responsible for the situation and reacting poorly to signals coming from economically disadvantaged groups. This creates fertile soil for the growth of right populism as a conservative response to emerging contradictions between arriving representatives of foreign cultural groups and host European societies. The author keeps attention to the need of revising the traditional strategies for integrating immigrants into the host society and develop new mechanisms for their adaptation.

Keywords: migration, crisis, Europe, globalization, conflict factor, populism, nationalism, terrorism, multiculturalism, interculture.

References

Aleskerov F. T., Meshcheryakova N. G., Rezyapova A. N., Shvydun S. V. Analiz vliianiia stran v seti mezhdunarodnoi migratsii [Analysis of the influence of countries in the network of international migration]. *Politicheskaya nauka*, 2016, no. 4, pp. 137–158. (In Russian)

Auer S. *The end of the European Dream. What future for Europe's constrained democracy?* 22.02.2013. Available at: <http://www.eurozine.com/the-end-of-the-european-dream> (accessed: 08.09.2017).

Bajme K. Populizm i pravyy ekstremizm v partiinykh sistemakh epokhi postmoderna [Populism and Right-Wing Extremism in the Party Systems of the Postmodern Epoch]. *Bereginya*. 777. Sova. 2014, no. 4 (23), pp. 101–109. (In Russian)

Benhabib S. *Pritiazaniia kul'tury. Ravenstvo i raznoobrazie v global'noi eru* [Claims of the culture. Equality and Diversity in the Global Era]. Moscow, Logos Publ., 2003. 350 p. (In Russian)

Bol'shakov G. A., Yavdoshchuk I. B. Problema migrantov v Evrope: real'naia ugroza bezopasnosti ili pole dlia politicheskikh spekulatsii? [The problem of migrants in Europe: a real threat to security or a field for political speculation?]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, 2013, vol. 9, no. 1, pp. 198–214. (In Russian)

Dahrendorf R. *Auf der Suche nach einer neuen Ordnung. Eine Politik der Freiheit fuer das 21. Jahrhundert*. München, C. H. Beck Verlag, 2003. 157 p.

Darendorf R. *Sovremennyyi sotsial'nyi konflikt. Ocherk politiki svobody* [Modern social conflict. Sketch of the politics of freedom]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 288 p. (In Russian)

Epifanova M. Bezopasnost' prevyshe vsego. Glava MVD Germanii zagovoril ob uzhestochenii migratsionnoy politiki [Security above all. The head of the Ministry of Internal Affairs of Germany started talking about toughening the migration policy]. *Novaya Gazeta*, November 21, 2018. (In Russian)

Giddens E. *Nespokojnyj i mogushchestvennyj kontinent: chto zhdet Evropu v budushchem?* [Restless and powerful continent: what awaits Europe in the future?]. Moscow, Delo Publ., 2015. 240 p. (In Russian)

Gluhova A. V. Populizm kak politicheskii fenomen: vyzov sovremennoi demokratii [Populism as a political phenomenon: the challenge of modern democracy]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*, 2017, no. 4, pp. 49–68. (In Russian)

Goldstoun J. *Pochemu Evropa? Vozvyschenie Zapada v mirovoi istorii, 1500–1850* [Why Europe? The rise of the West in world history, 1500–1850]. Transl. M. Rudakova; ed. by I. Chubarova. Moscow, Institut Gaidar Publ., 2014. 224 p. (In Russian)

Huntington S. *Stolknovenie civilizatsii* [The Clash of Civilizations] Transl. from English. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p. (In Russian)

Inozemtsev V. Pro pravyykh, migratsiiu i ES [About the Right, Migration and the EU]. *Intersection: Russia. Europe. World*. January 13, 2016. Available at: <http://intersectionproject.eu/ru/article/russia-europe/pro-pravykh-migratsiyu-i-essthash.bHKJQLHy.dpuf> (accessed: 30.01.2019). (In Russian)

Keane J. "Europe is suffering multi-morbidity": a conversation with Claus Offe in Berlin. *The Conversation*. 2017. January 31. Available at: <https://theconversation.com/europe-is-suffering-multi-morbidity-a-conversation-with-claus-offe-in-berlin-71127> (accessed: 30.01.2019).

Kvashnin Yu., Kuznetsov A., Trofimova O., Chetverikova A. Migratsionnyi krizis v ES: natsional'nye otvety na obshchii vyzov [Migration crisis in the EU: national responses to a common challenge]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2017, vol. 61, no. 1. January, pp. 97–107. (In Russian)

Liebert U. Neuer Schwung für Europa? Lehren aus der Vergangenheit und aktuelle Handlungsfelder. *Bundeszentrale für politische Bildung*. 08.09.2017. Available at: <http://www.bpb.de/apuz/255615/neuer-schwung-fuer-europa?p=all> (accessed: 08.09.2017).

Merkel W. Krise der Demokratie? Anmerkungen zu einem schwierigen Begriff. *Bundeszentrale für politische Bildung*. 20.09.2016. Available at: <http://www.bpb.de/apuz/234695/krise-der-demokratie-anmerkungen-zu-einem-schwierigen-begriff> (accessed: 30.05.2017).

Mlechin L. Volki za dver'iu [Wolves behind the door]. *Novaia gazeta*. 2018, no. 10, January 31. (In Russian)

Monusova G. Vospriiatie immigrantov evropeiskim obshchestvennym mneniem [The perception of immigrants by European public opinion]. *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia*, 2016, vol. 60, no. 11. November, pp. 58–70. (In Russian)

Müller J.-W. Populismus. Symptom einer Krise der politischen Representation? *Bundeszentrale für politische Bildung*. 30.09.2016. Available at: <http://www.bpb.de/apuz/234701/populismus-symptom-einer-krise-der-politischen-repraesentation?p=all> (accessed: 08.05.2017).

Müller J.-W. *Wo Europa endet – Ungarn, Brüssel und das Schicksal der Demokratie* [2018]. Available at: <http://www.openeuropeberlin.de/wo-europa-endet-ungarn-bruessel-und-das-schicksal-der-demokratie-zusammenfassung-und-kommentar-zum-neuen-buch-von-jan-werner-muller-von-oliver-treidler> (accessed: 30.01.2019).

Narochnitskaya E. A. «Krizis bezhentsev» i immigratsionnyi vopros v Evrope ["The refugee crisis" and the immigration issue in Europe]. *Aktual'nye problemy Evropy. Nauchnyi zhurnal*, 2016, no. 4, pp. 20–37. (In Russian)

Offe K. *For A Robust Policy of Integration of Refugees*. 08.03.2016. Available at: <https://www.socialeurope.eu/robust-policy-integration-refugees> (accessed: 30.01.2019).

Offe K. *Germany: What Happens Next?* 03.10.2017. Available at: <https://www.socialeurope.eu/germany-happens-next> (accessed: 27.10.2017).

Oltmer J. *Globale Migration: Geschichte, Gegenwart, Zukunft*. 14.05.2018. Available at: URL: <http://www.bpb.de/gesellschaft/migration/dossier-migration/252254/globale-migration> (accessed: 30.01.2019).

Potemkina O. Yu. Migratsionnyi krizis i politika Evropeiskogo soiuza [Migration crisis and the policy of the European Union]. *Aktual'nye problemy Evropy. Nauchnyi zhurnal*. 2016, no. 4, pp. 38–60. (In Russian)

Ryazantsev S. V. *Vliianie migratsii na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Evropy: sovremennye tendentsii: monografiia* [The Impact of Migration on the Socio-Economic Development of Europe: Current Trends: A Monograph]. Stavropol, Stavropol'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 2001. 542 p. (In Russian)

Sen A. *Identitätsfalle. Warum es keinen Krieg der Kulturen gibt*. Bonn, Bundeszentrale für politische Bildung, 2007. 208 p.

Silant'ev M., Glagolev V. Filosofii mezkul'turnoi kommunikatsii [Philosophy of Intercultural Communication]. *Mezhdunarodnye protsessy*. 2017, vol. 15, no. 2 (49), April — June, pp. 64–76. (In Russian)

Tumakova I. Tri linii. Vopreki mrachnym prognozam, Germaniia ne rukhnula pod naporom bezhentsev. Kak nemtsy reshait problemy massovoi migratsii? [Three lines. Contrary to gloomy forecasts, Germany has not collapsed under the pressure of refugees. How do Germans solve the problems of mass migration?]. *Novaia gazeta*. 2018, no. 119. October 26. (In Russian)

Vishnevskij A. G. Chem opasen global'nyi migratsionnyi perekhod [The danger of a global migration transition]. *Nezavisimaia gazeta*. January 23. 2018. (In Russian)

Zatulina D. Predposylki sovremennykh migratsionnykh protsessov v Evrope [Prerequisites of modern migration processes in Europe]. *Observer*, 2016, no. 12 (323), pp. 82–90. (In Russian)

Received: December 1, 2018

Accepted: December 14, 2018

For citation: Glukhova A. V. Migration in the Political Processes of Contemporary Europe (Conflict Potential and New Strategies of Social Integration). *Political Expertise: POLITEX*, 2018, vol. 14, no. 4, pp. 444–464. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2018.401> (In Russian)